

**К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY**

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr. Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тугаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства
(новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии
Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.**

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

И. В. Палагута

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им.
А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-207-209

Ключевые слова: доисторическое искусство, раннеземледельческие культуры, мелкая пластика, проблема интерпретации, культурный контекст, иконографический анализ, сравнительный анализ.

Проблема реконструкции духовной культуры в доисторической археологии и смежных гуманитарных дисциплинах остается одной из актуальных. При отсутствии письменных источников здесь ключевую роль играют памятники изобразительного искусства. В широком поясе раннеземледельческих культур, охватившем в VII–IV тыс. до н. э. пространства Евразии от Атлантического до Тихого океана, доминирующей формой изобразительного искусства, изготовленной из стойких материалов — глины, кости, камня — и поэтому дошедшей до нашего времени, стала мелкая пластика. За последние 150 лет в ее интерпретации обозначились несколько, порой взаимоисключающих, путей. В монографии Р. Лижера (2011) они были обозначены как «универсалистские» и «контекстуалистские»: один путь исходит из априорного положения о неких культурных универсалиях, другой — из конкретного культурного и археологического контекстов (Палагута 2012). Истоки этих направлений были заложены еще в XIX в. (Hutton 1997).

Несмотря на то что дискуссия здесь в последние десятилетия развернулась преимущественно в рамках англо-американского научного сообщества, где долгие годы доминировали идеи М. Гимбутас, в рамки этих подходов можно включить и работы авторов из России и стран Восточной Европы. Так, интерпретации Б. А. Рыбакова (1981), следующие, как и трактовки М. Гимбутас, принципу использования свободных ассоциаций вместо доказательств, долгое время оказывали существенное влияние на представления о духовной культуре ранних земледельцев, отраженные в работах советских исследователей. Принцип обращения к внешним идеям, при достаточно поверхностном изучении контекста и иконографии конкретных материалов, сохраняется и сейчас. Наиболее ярко он представлен в работах ряда украинских исследователей, где место обращения к постулатам Б. А. Рыбакова заняло использование идей «сакральной антропологии» М. Элиаде (Бурдо 2001; 2007). При этом сами идеи «волшебника из Бухареста», взятые в основном по переводам, не рассматриваются в контексте развития культурной антропологии, а искусственно присоединяются к материалу. Поэтому мужская статуэтка с изображением фаллоса может легко превратиться в «женщину, обвитую змеями» (Бурдо 2004: 404). Такой подход в настоящее время распространен и среди румынских исследователей, где «палеомифология», обращающаяся, в том числе, и к идеям М. Элиаде, также приобрела широкую популярность. Негативным результатом таких исследований стало отношение к любой реконструкции как к очередному субъективному мнению того или иного автора.

Тем не менее в исследовании мелкой пластики доисторических культур Ближнего Востока и Средиземноморья отчетливо обозначается линия, связанная с П. Акко (1968), которая стала важной вехой в изучении анализируемых памятников. В том же ключе, основываясь на анализе конкретного материала, используя в комплексе элементы искусствоведческого анализа (подходя к статуэткам как к памятникам искусства), не избегая широких аналогий, но оговаривая конкретные исключения, выстроена работа по раннеземледельческой пластике Средней Азии В. М. Массона и В. И. Сарияниди (Массон, Сарияниди 1973). Линию этих исследований проводит и Е. В. Антонова (1977; 1984). Таким образом, путь объективного анализа материала, в той или иной мере, был реализован в отечественных востоковедческих исследованиях.

Разрыв между эмпирикой и теорией, наблюдаемый во многих современных исследованиях, можно преодолеть через тщательное исследование археологического контекста, выявление связей находок в его пределах; через иконографический анализ материала; через реконструкцию социального контекста и рассмотрения предметов искусства в качестве средства социальной коммуникации. Использование сравнительного анализа не должно исчерпываться поиском подходящих аналогий из круга материалов, накопленных в области истории и этнографии. Это — сравнительно-иллюстративный метод, представленный, например, в трудах Дж. Дж. Фрэзера, показавший свою несостоятельность еще в начале XX в. (Эванс-Притчард 2004). Избежать этого позволяет сопоставление не только самих находок, но и их контекстов.

Литература

- Антонова Е. В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е. В. 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.
- Бурдо Н. 2007. Сакральний світ трипільської цивілізації. Київ.
- Бурдо Н. Б. 2004. Сакральний світ трипільської цивілізації // Відейко М. Ю. (ред.). Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 1. Київ. С. 344–419.
- Бурдо Н. Б. 2001. Теракота трипільської культури // Рижов С. М., Бурдо Н. Б., Відейко М. Ю., Магомедов Б. В. Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. Ч. 1. Київ. С. 61–146.
- Массон В. М., Сарияниди В. И. 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.
- Палагута И. В. 2012. Интерпретируя древние статуэтки: от «универсалистских» интерпретаций к искусствоведческому подходу (Рец. на: Lesure R. G. *Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.) // Российский археологический ежегодник. СПб. 2. С. 734–737.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.
- Эванс-Притчард Э. 2004. Теории примитивной религии. М.
- Hutton R. 1997. The Neolithic great goddess: a study in modern tradition. In: *Antiquity*. 71 (271). P. 91–99.
- Lesure R. G. 2011. *Interpreting Ancient Figurines. Context, Comparison, and Prehistoric Art*. Cambridge.
- Ucko P. J. 1968. *Anthropomorphic figurines of Predynastic Egypt and Neolithic Crete with comparative material from the prehistoric Near East and Mainland Greece*. London.

ON THE PROBLEM OF THE METHODOLOGY OF RESEARCHING WORKS OF PREHISTORIC ART

И́'я V. Palaguta

St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

Keywords: *prehistoric art, early agricultural cultures, figurines, interpretation, cultural context, iconographic analysis, comparative analysis.*

The dominant form of fine arts in the Eurasian early agricultural cultures was “mobile” small sculptures: anthropomorphic and zoomorphic figurines, and different kinds of models. Their studies may be defined as universalist and contextualist approaches (Lesure 2011). Such approaches can be traced as well in the studies of Russian and Eastern European scholars. In addition, since the late 1960s, an integrated approach emerged, being reflected both in archaeological and oriental studies. Problems in the interpretation of figurines can be overcome within the framework of this approach that is based on a thorough study of the archaeological context, iconographic analysis; reconstructions of the social context, and a consideration of objects of art as means of social communication. The use of comparative analysis is also quite productive one, but under the condition of a comparison not only of the finds themselves, but of their contexts.

«ДЫХАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-209-212

Ключевые слова: *Южная Сибирь, эпоха ранних скотоводов, окуневская культура, искусство, восточные цивилизации, традиция.*

Произведения искусства окуневской культуры отличаются удивительным разнообразием изобразительной деятельности, включающим статуарные памятники (каменные изваяния и стелы), предметы мелкой пластики, гравировки на кости и наскальные изображения. Не менее различны упомянутые находки по условиям их обнаружения и по представленным в них сюжетам. Создается впечатление, что окуневская культура вобрала в себя все художественное наследие древней Сибири, при том, что подобных произведений нет ни в предшествующей афанасьевской, ни в последующей андроновской культурах. Это обстоятельство требует какого-то внятного объяснения, которое до сих пор так и не появилось.

Судя по имеющимся материалам, вряд ли можно предполагать наличие одного места исхода окуневской изобразительной традиции. Это естественным образом сопряжено с решением проблемы происхождения окуневской культуры, что само по себе составляет еще более сложную, нерешенную проблему. Более оправданным представляется нарративный подход при рассмотрении окуневского искусства: а именно компонентный анализ составляющих его элементов, условий их появления и контаминации в единый изобразительный пласт.

Окуневский культурный комплекс *a priori* является двухкомпонентным образованием, сочетающим местный (неолитический?) компонент и пришлый компонент, связанный с приходом нового скотоводческого населения, что подтверждается и данными антропологии. К местному компоненту, помимо основных категорий сопроводительного инвентаря, можно отнести изображения «ангарского» стиля; правда, в арсенале окуневского искусства они крайне немногочисленны. Все остальное есть результат различного рода